

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Редакция "Завтра" поздравляет с 55-летием Владимира Юрьевича Винникова, ответственного секретаря газеты.

Верный наш соратник и друг, с далекого 1992 года, когда, ещё в газете "День", вышла твоя первая статья и по сию пору, ты, уже автор и редактор тысяч газетных материалов, вокруг которого вращается техническая жизнь редакции, остаешься, со своими неизменными тактом, эрудицией и выносливостью, тем атлантом, что держит на своих плечах всю рутину нашей профессии. Твоя удивительная работоспособность, универсальность профессиональных навыков, не раз выручала коллег в минуты творческих затруднений, не допускала критических срывов в сдаче очередного номера. Для нас ты — человек, на которого всегда можно положиться.

Дорогой Владимир Юрьевич! Позволь пожелать тебе на пути общественного служения новых творческих открытий, душевного равновесия, а также крепкого здоровья тебе и твоей замечательной семье, супруге Наталии Ивановне и семерым вашим детям. Да хранит вас Бог!

Отмечая эту дату, предлагаем вниманию читателей "Завтра" рассказ юбилера "Никого больше", написанный в жанре исторического "фэнтези" и его стихотворения из цикла "Тайная вечеря".

I
Голуби, гранаты, виноград
(кислый до того, что сводит скулы)...
Вечереет. Петухи уснули,
Реже лают псы из-за оград —
наглухо затянута до утра
узел иерусалимских улиц...
Ложь! — и ночью жалит этот улей,
потому на поясе Петра
не ключи, но меч, укрытый в ножны.
Быть чему — случится непреложно
в эту ночь предательств и утрат
никого еще ко сну не клонит
и открыты всем семи ветрам
рыбы, хлеб, античные колонны...

II
Рыбы, хлеб, античные колонны —
этот свиток можно не читать:
так Земля стоит на трёх китах,
близится знамение Ионы.
Званных — тымы.

...Что первым быть из них,

Вечен вечер тайн!
Всякий Рим приводит к Вавилону,
всякий поникает, кто возник...
Рвутся сети, от улова полны,
и подвластны: люди, время, волны...
Смерть и нааграждает, и казнит,
разрывая плотские оковы,
как же было не пойти за Ним,
Кто сказал: "Исполнились законы"?

III
Кто сказал: "Исполнились законы"?
Кто разрушит и воздвигнет Храм?
Он увидит, опять оставив нам
голод, нищету, болезни, стоны,
слёзы, войны, кровь, грехи — и смерть,
чтобы с вечной высоты смотреть,
как мы гибнем у подножья трона —
и не протянуть руки, не вынуть,
не спасти нас всех —

не часть, не персть:
всех, кто прав, и всех, кто виноват...
Бог — один! Где Духу быть и Сыну?
Кто же здесь пророчит рай и ад?
Будет время шестельств осанам,
и отсюда нет пути назад...

V
Чудеса, знамения, иконы...
Брат мой! Брат, что сделают с Тобой?
Если Ты — и человек, и Бог
выше Моисеева канона?
Кто Ты?

Кто Ты?
Брат ли мой по плоти?
Плотник ли Давидова колена?
Степеш ли, утешись наши толпы
Ты, предвечный Сын Творца Вселенной?..
Ты, еда спасения в смертном зное!
Это Ты — Господь мой и мой брат,
даровав новозаветный коине,
поднимаешь со стола гранат, —
и в руке Твоей лежит спокойно
дней тысячелетний дольний ряд.

XII
Всё — цветёт!
Весенний и влюблённый,
пей вино,
не думай об ином!
И ласкай своей новести лоно
в царстве Песни Песней Соломона —
будь царём!
Богом — будь! Бог-Троица, Бог-Слово,
Бог-Любовь — не мёртвых, но живых!
Кто в Любви и Слове жить привык —
тем не нужно ничего иного!
Слов любви заветный мирiad,
незабвенно, неизбывно новых,
все они — да вовек пребудут с нами! —
незримыми светят эгосами
и очами горними глядят...

XV
Голуби, гранаты, виноград,
рыбы, хлеб, античные колонны...
Кто сказал: "Исполнились законы,
и отсюда нет пути назад"?
Чудеса, знамения, иконы,
дней тысячелетний дольний ряд...
Всякое дыханье — неапопад,
всякое дыжанье — словно тонет
в чаше бытия, ещё бездонной,
целенет сладкий, древний яд.
За порогом — Гефсиманский сад,
всё цветёт, весенний и влюблённый.
И очами зорними глядят
ангелы во время это оно.

Яков СЕМЁНОВ "Жизнь без черновика.
Воспоминания полковника КГБ СССР".
Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Иван ЧИГИРИН "Сталин. Болезни и
смерть. Документы". Справки по теле-
фону 8 (985) 256-91-24.

17 мая 1948 года. Новый Афон. Госу-
дарственная дача № 8.

— Как добрались, Николай Алексан-
дрович?
— Вашими молитвами. Что потревожили
старика?

— Какой же вы старик? Всего восемьдесят
лет. У нас, на Кавказе, до ста живут. И
больше.

Тот, кого собеседник назвал Николаем
Александровичем, улыбнулся краеш-
ками губ.

— Счастливые люди!
— Вас я тоже могу порадовать. Поздра-
вить с присвоенным званием Героя Соци-
алистического Труда. За исключительные
заслуги перед нашим народом. И прави-
тельством.

— Гм... Серп и молот на меня повесите?
Умеете вы пошутить...
— Мы, Николай Александрович, шуток
не шутим. Кстати, заодно готовьтесь и к
новоселью. Вот этот дом построили
специально для вас. Официально бу-
дете числиться истопником. Но сотруд-
никам приказано слушаться вас во
всём, как отца родного. И беречь. Как
зеницу ока.

— Нищему собраться — только подпо-
ястись... Хотя — чем обязан?

— Вы сейчас должны быть в максимал-
ной безопасности и постоянно на связи.
Что-то ваши добрые друзья и милые ро-
дственники чересчур суеются...
— Локти кусают?

— Цуда? Цүда... Иуда... И чудо одновре-
менно! Брат Алексей!

В дверях архиерейской кельи появи-
лась невысокая фигура в монашеском
одеянии.

— Ваше Императорское Высочество! Бла-
гословенный старец Феодор незадолго до
своей кончины передал схимонаху Алек-
сию, тогда ещё отроку, адресованное
вам — да, вам: не изумляйтесь! — письмо.
И Алексей, по его благословию, открыл
сие мне как правящему в указанный срок
архиерею.

— Это всё... удивительно!
— Это Промысел Божий, Ваше Высо-
чество!

17 мая 1948 года. Новый Афон. Госу-
дарственная дача № 8.

— Мне было сказано, что вы сожгли это
письмо по прочтении.

Николай Александрович с видимым
трудом поднялся с кресла и подошёл к
окну.

— Я был в свои двадцать три... Ветер в
голове. Да, ветер в голове! И когда этот...
самурай ударил меня саблём — в голове
у меня что-то взорвалось. Да, словно два
взрыва: первый и почти сразу же, следом
за ним — второй... Ужасный звук! И
были... такие вспышки, что я, казалось,
ослеп... Американцы сбросили на них
две бомбы?

Его собеседник снова кивнул, на этот
раз молча.

Владимир Винников

НИКОГО БОЛЬШЕ

Рассказ

— Не только. Нам хотят руки откусить. По
самые плечи.
— Не удивлён... Что Алексей?
— Справляется. Надеюсь, до конца года
всё устроит.
— Он тоже так говорил. А подарок вы мне
преподнесли, можно сказать, царский...
Если не ошибаюсь, как раз на этом месте
стоял дом вашего духовного отца?..

6 (18) декабря 1894 года. Ново-Афон-
ский Симоно-Кананитский монастырь.

— Иосиф! (он говорил: "Иосиф!") Что ска-
зано в 90-м псалме царя Давида?
— Живый в помощи Вышняго, в крове Бога
Небесного водворится. Речет Господеви:
Заступник мой еси и Прибежище мое. Бог
мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя
от сети ловчи, и от словесе мятежна,
плещима Своима осенит тя, и под криле Его
надеешься; оружием обыдет тя истина
Его. Не убоишия от страха ночного, от
стрелы летящая во дни, от вещи во тме
преходящая, от сряща, и беса полуден-
ного. Падет от страны твоя тысяща, и тма
одесную тебе, к тебе же не прибли-
жится... — подросток на мгновение зап-
нулся, но тут же продолжил. — Обаче
очима твоима смотриши, и воздаяние
грешников узриши. Яко Ты, Господи, упо-
вание мое, Вышняго положи еси прибе-
жище твое. Не придет к тебе зло, и рана
не приблизится телеси твоему, яко Анге-
лом Своим заповесть о тебе, сохранити тя
во всех путех твоих. На руках возмут тя, да
не когда преткнеши о камень ногу твою, на
аспида и василиска наступиши, и попе-
рещи льва и змия. Яко на Мя упова, и из-
бавлю, и покрою и, яко позна имя Мое.
Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь
в скорби, изму его, и прославлю его, долго-
тою дней исполню его, и явлю ему спасе-
ние Мое...

— Теперь это твой путь. Ты идёшь меж
аспидов и василисков, дабы попать льва
и змия. В мире нет прямых дорог, и пути
Господни неисповедимы. Но сказано в Пи-
сании: "Сделайте прямыми пути Господу
своему..." Кто есть лев и кто есть змий,
Иосиф?

— Лев есть власти мира сего, а змий — бо-
гатства мира сего.

— А кто есть лев и кто есть змий в мире
сем, Иосиф?

— Лев — это символ Великой Британии, а
змий — символ доллара Северной Аме-
рики, авва Иерон!

Черты лица схигиумена, словно высе-
ченные из тёмного мрамора, смягчились,
он поднял руку для благословения.

— Иди, готовься к постригу, Иосиф, воин
Христов Николай!

17 мая 1948 года. Новый Афон. Госу-
дарственная дача № 8.

— Не ошибаетесь. Вы ведь тоже бывали
здесь раньше?

В лице Николая Александровича не
дрогнул ни один мускул, но словно тень. от
облака ли, от ангела ли светлотепаль-
ного, — скользнула по нему.

— Да, приходилось... Я закурю?

— А тоже.

Один — вставляя сигарету в мундштук,
другой — набивая трубку, взяли паузу...

— Как с этими... с издевательями?

— Малое — через год-полтора.

— К юбилею готовите?

— Я, вы знаете, юбилеев своих не празд-
ную. Нам чем раньше, тем лучше.

— А большое?

— Большое — лет пять ещё, не меньше.

— Святой отец Церковник, моли Бога о
нас, грешных! — Николай Александрович
перекрестился. — Хотелось бы дожить.

— Я тоже не против.

Закурили, погуливших в облака мно-
горадужного — солнце заглядывало в
окна, обрызганные каплями недавнего до-
ждя, — дыма...

— Так всё же?

— Почти тридцать шесть лет назад, по
пути из Нарымской ссылки, я был в Том-
ске. И встречался там с известным вам,
Николай Александрович, человеком...

— Тем самым?

— Да, тем самым. Он, кажется, передал
вам некое письмо?

5(17) июля 1891 года, Томск, Бого-
родице-Алексеевский монастырь

— Сам Господь привёл в град сей, в день
воскресный, к исповеди и причастию Свя-
тых Христовых Таин Ваше Императорское
Высочество! И дивны слова ваши!

— Спаси Господи, владыка Макарий!

— Всё — яко Бог хощет, а не яко мы,
рабы Его: ленивые, лукавые и неразум-
ные, — возжелал. Так фарисей Савл
против воли своей был приведен в Да-
маск и стал апостолом Павлом. А Госу-
дарь Наследник Цесаревич ныне приве-
ден в Томск и... нет у меня, грешного,
слов, чтобы воспеть величие Промысла
Его! Ибо сказано в Писании: "Любите вра-
гов ваших, благословляйте проклинаю-
щих вас, благотворите ненавидящим вас
и молитесь за обижающих вас и гонящих
вас, да будете сынами Отца вашего Не-
бесного!" Тако и буди, буди!

— Отец Николай утешал меня теми же
словами.

— Дивный, дивный пастырь! И напомните,
ещё раз, имя того язычника...

— Цүда. Цүда Сандзо, Ваше Преосвя-
щенство!

стовать, и мыслить как одно целое. Как
одно целое — до тех пор, пока вместе
идём по истинному, общему для нас,
пути. А он, этот путь — да, может быть
узким, долгим и тернистым. Нет, вер-
нее — будет казаться таким для тех, кто
хочет иного. Рыбе ведь хорошо в своей
реке или в озере, или в море, правда? А
каково бы ей было сейчас вот здесь,
вместе с нами, в этом саду, под этими
деревьями, в этой траве?

— Наверное, как нам — в аду. Но разве
человек — это рыба? Хотя... апостолы
Петр и Андрей были рыбаки, а стали
ловцы человеков, правда?

— Да, стали... Я прошлым летом ездил в
гости ко Льву Толстому. Вы читали его?

— Ещё нет.

— Почитайте. Особенно — "Войну и
мир"... Ему многое открывалось, он —
великий писатель. Почти наравне с Пуш-
киным. Так вот, Лев Толстой не приемлет
Шекспира, считает его чужд ли не личным
врагом, хотя даже не может сказать, по-
чему. Не видит, словно слепой. Теми гла-
зами, которые духовные. Но по-своему —
может, по запаху? — чувствует верно...

— Что чувствует?

— Да вот это самое. Что мир — театр.
Для них мир — это театр, понимаете? А
люди — актёры, которые всего лишь
играют придуманные ими или кем-то
другим роли. Играют так, как считает
нужным режиссёр. В декорациях худож-
ника. Для почтенной публики... Вот что

Комплекс зданий Свято-Пантелеимонова монастыря на Новом Афоне. Современный вид

— Может быть, я увидел тогда как раз эти
взрывы... Я был весь в крови — Николай
красавый, конечно же... Но ещё... Пом-
ните, у Гоголя: "Стало вдруг видно далеко
во все концы света"? Да, во все концы
света. И пространства, и времени... От-
крылось не всё, но многое, слишком мно-
гое для одного человека. Тем более — та-
кого пустоголового, как я...

— Вы рассказывали об этом. И о встрече с
владыкой Николаем. Но про письмо мы не
упоминали.

— Вы, кстати, — тоже. Слово — серебро,
молчание — золото.

— Не всё то золото... что молчит...

— И вы, наконец-то, решили разменять
этот переданный вам червонец на цело-
ковые? Я, признаться, озадачен. Вас трево-
жит Израиль? Или что-то ещё?

5 (17) мая 1899 года, Тбилиси,
Гданский монастырь Пресвятой Бо-
городицы.

Этот закятный воздух, казалось, можно
нарезать кусками и есть — настолько он
был свеж и густо пропитан сладким аро-
матом цветущих деревьев, приправлен де-
ловитым мужжанием пчёл и лёгким дымком
от уже прогоревшего костра...

— Какой вкусный чай!.. С лимоном и
мёдом...

— Всё своё, всё своё... Наливайте ещё,
Николай! И выпечкой не брезгуйте. Мы с
вами сегодня славно потрудились...

— Да разве это труд? Здесь у вас — как
в раю!

— А как, по-вашему, в раю?!

— По-моему?

— Да, по-вашему...

— Не знаю... Наверное, вот так. Когда
всё вокруг и внутри тебя — цветёт. Когда
ты и мир — одно. Когда всё... правильно.

И ещё — счастье: везде, навсегда... А
главное — это так навсегда, и уже не бу-
дет иначе!

— Я читал ваши стихи. У вас есть дар
Слова. Редкий дар... Вы прочитали ту
пьесу Шекспира, "Как вам это понравится"?

— Да, Наверное, тоже плохой перевод, но
читать Шекспира намного приятнее, чем
Маркса. Я пока ничего не понял в его "Ка-
питале"...

— Ещё поймаёте — там всё не так сложно.
До какой-то черты — не сложно... А что вы
поняли у Шекспира? Что вам больше всего
запомнилось? Какие слова?

— Там брат идёт против брата. Словно
Каин — против Авеля. А какие слова? Да,
вот эти: "...Мир — театр, в нём женщины
мужчины, все — актёры!"

— Конечно же! — хозяин, в простом чёр-
ном подрыснике, разрешил себе усмех-
нуться. — Все! Все сразу напоминают
эти строки, хотя никто их не понимает.
Потому что самое главное и страшное
прячут у всех на виду. Даже нет — не
прячут, а делают это чем-то вроде воз-
духа, которым все дышат, сами того не
замечая.

— Вы у меня в сердце, словно в книге,
читаете!

— Нет, Николай. Дара читать в душах
мне, в отличие от некоторых, не дано.
Но я всеми силами стремлюсь попасть в
Рай, о котором вы так хорошо сказали. А
туда открыты врата лишь тем, у кого Рай
в сердце, кто уже живёт в Раю. И если я
туда стремлюсь, и если другие туда
стремятся, — то мы с ними будем и чув-

главное. А для нас мир — это сад. Мы
ведь — не актёры, Николай. Мы не
должны быть актёрами. И сценари-
стами не должны быть. И режиссё-
рами — не должны. И зрителями — не
должны. Мы должны быть — садовни-
ками. И расстить свой сад. Хотя бы вот
такой. Пусть он далёк от совершенного
первообраза, созданного Богом. Но —
растить. А значит — сажать деревья,
окапывать и поливать их. И обрезать
сухие ветви, и срубать деревья, не при-
носящие плода доброго, и бросать их в
огонь. И вредителей уничтожать. И раз-
водить пчёл. И многое другое. И этот
свой сад делать частью сада райского.

А не играть, Николай! Даже в садов-
ника. Вот что главное.

— Но... — в глазах юноши мелькнуло не-
доверие.

— ...будет ли расти в нашем
райском саду древо познания добра и зла,
плоды которого нельзя вкушать?

Лицо хозяина неуволимо изменилось,
он внимательно и быстро, словно впервые,
окинул взглядом своего гостя.

— Видишь, мы и вправду движемся од-
ним путём, Николай. И ты идёшь очень
быстро. Я предлагаю теперь быть на
"ты" — не возражаешь? Я тоже дошёл до
этого вопроса. Совсем недавно дошёл, и
ещё думаю над ним...

— Он тонкими пальцами коснулся палки с чаем на
столе и чуть отодвинул её, видимо, отго-
няя от себя какие-то ненужные сейчас
слова. И мыслы, облёченные в них...
Видю пока лишь то, что недоложное добро
много хуже должного зла... Говорят, в
Японии очень любят изображать трёх му-
дрых обаян: одна закрывает глаза, пла-
вая, вторая — уши, а третья — рот. С тем
смыслом, что не нужно видеть зло, слы-
шать о зле и говорить о зле — тогда оно
не коснётся тебя. Что ты думаешь об этом
символе?

— Они... Они полагают своей мудростью
страх... то есть отсутствие любви? Сей-
час... я скажу... вот так!

И слезы, и глухи, и немые!
Все: глазами, ушами и ртом, —
Вы боитесь лишь смерти, а мы —
Лишь того, что случится потом...

— Всё верно. Мне передали, что послезав-
тра тебе предстоит карцер, потом — ис-
ключение из семинарии, а дальше... Кто
знает, что будет дальше? Только не думай,
никогда не думай, что всё это — лишь
игра, что всё это — не всерьёз. И какой-то
другой жизни не жди. Всё у тебя будет —
по-настоящему...

— Не считите меня, грешного, ещё и без-
умным. Прибыв сюда сейчас, Вы, Ваше
Императорское Величество, показали
этим... фарисеям и книжникам, что полно-
стью отравились от них, что нет им
больше части в Ваших делах и в помыслах
Ваших. А эти два камня не просто приве-
зены с горы Афонской, Удела Пресвятой
Богородицы. Они — из числа тех евангель-
ских камней, которыми иудеи хотели по-
бить блудницу, но после слов Спасителя
оставили их и ушли. По легенде, каждый
из апостолов взял по одному камню в дар
Богородице.

— "Кто без греха, пусть первым бросит ка-
мень"? "Время разбрасывать и собирать
камни"... Надеюсь, вы не пребываете в за-
блуждении и не вводите в заблуждение
нас, Ваше Высочество?

— Бог не всё и не сразу открывает даже
святым Своим. Из неизреченной любви
Своей. И диавол многое открывает слугам
своим. Из великой злобы своей. Самый
великий дар — различия между любю-
ью и злобой. И лучше ничего не знать —
из любви, чем ведать всё — но из злобы.

Потому со всей любовью и скорбью
скажу: многие ищут погубить Вас, как по-
губили Вашего отца, Вашего деда и Вашего
прадеда. Как захотят погубить Ваших сы-
новей. Хотел бы ошибиться, но теперь они
обязательно дадут о себе знать. И очень
скоро. Гораздо быстрее, чем можно было
бы ожидать...

17 мая 1948 года. Новый Афон. Госу-
дарственная дача № 8.

Ваше здоровье!

— И ваше!

Два бокала легко, почти без звука, на
одном уровне коснулись друг друга.

Разве не так?

— В таком случае извольте объясниться. Я
обязан вам жизнью: и своей, и своих близ-
ких. Но и вы кое-чем обязаны мне. Мы де-
лаем одно дело, хотя с разных сторон,
каждый по-своему. Вы — не Иван Грозный
и не Симеон Бекбулатович в одном лице...
И не Никон Иван Сусанин...

— Опера Глинки по-прежнему идёт в
Большом.

— Я слушаю радио. Вы её переимено-
вали. Как и многое другое. А до Шаляпина
Михайлову далеко...

— До Шаляпина всем далеко... Кстати,
вспомнил, с каким удовольствием вы сме-
трели Булгакова...

— Как же, помню: "Из портьеры вышел
государь... и прослезился". Весьма
остроумно.

— Что же до наших счетов, Николай
Александрович, то Богу мы все обязаны,
а не друг другу. Уж поверьте, не из праз-
дного любопытства спросил вас про
Томск — в первый раз за всё время на-
шего знакомства. Но согласен: доверие
должно быть взаимным. И равным. Мы,
старые большевики, только поэтому шли
от победы к победе!

Николай Александрович опять улыб-
нулся своей — краешками губ — улыбкой.

— Только поэтому. Кстати, что-то давно
съезд партии не собирался. Непорядок!

— Почти вся наша партия, — слово
"наша" было произнесено с едва замет-
ным нажимом, — сейчас лежит в земле,
от Волги до Эльбы. И по всему миру
тоже. Осталось всего несколько сотен
людей, и их продолжают убивать. Всех,
до кого могут дотянуться. Бомбы и ра-
кеты сделать проще, чем таких людей. И
вы лучше меня это знаете. Мы — то
зерно, которое гибнет, чтобы прорасти
полным колосом. В иное время и, воз-
можно, в ином месте. И я не хочу играть с
вами в "мидзару, кикадзару, ивадзару".
Нет собора — не будет и съезда. А Изра-
иль...

Будем считать его соломинкой, ко-
торая всё-таки переломила горб вер-
блюду. Тому верблюду, что изо всех сил
пытался пролезть в рай через игольное
ушко истории...